

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 538-548. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.538
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Eastern Georgia and the Protectorate of the Russian Empire (1783-1801): Terms, Features and Outcomes of Political Interaction

Amiran T. Urushadze ^{a, *}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b, c}, Annick Valteau ^d

^a South Federal University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

This article deals with a key period in the development of Russian-Georgian political relations stretching from the conclusion of the Treaty of Georgievsk (July 24, 1783) to the manifesto on the annexation of Georgia to Russia (September 12, 1801). Irakli II, the King of Kartli-Kakheti (Eastern Georgia), rejected the oppressive political tutelage of the Persian state in favor of a rapprochement with the Russian Empire. The purpose of this political maneuver was to protect the country from devastating external invasions. Its outcome was that the Romanov Empire acquired a reliable and wholly dependent ally, thus widening the range of its foreign policy opportunities to confront Muslim powers (Persia and Turkey) and extend its sphere of influence in the Caucasus.

The main questions raised in this article are: how did the Russian protectorate create the conditions needed for the annexation of Eastern Georgia? To which extent was the incorporation of the State of Irakli II and of his heirs unavoidable? Who in the Russian elite took the decision to liquidate the Bagrationi dynasty as a political center and how?

The empirical basis of this study comprises a significant body of published historical documents, supplemented by historical evidence from archives.

Keywords: Eastern Georgia, Russian Empire, Treaty of Georgievsk, Irakli II, Catherine II, G.A. Potemkin.

1. Введение

8 августа 1801 г. члены Непременного совета Российской империи обсуждали политическое будущее Восточной Грузии. Всеподданнейший рапорт генерала К.Ф. Кнорринга, составленный им на основе личных впечатлений от знакомства с военно-политическим положением и социально-экономическим состоянием Картли-Кахетии, не оставлял сомнений в необходимости присоединить Восточную Грузию. Во-первых, генерал указывал на неспособность грузин самостоятельно противостоять внешним угрозам. Во-вторых, К.Ф. Кнорринг утверждал, что большая часть восточногрузинского дворянства, как и все население Картли-Кахетии, «жаждет быть под законами Российской империи» (АКАК, 1: 429).

Но в совете было представлено и противоположное мнение. В докладе графов А.Р. Воронцова и В.П. Кочубея приводилось множество доводов в пользу сохранения прежней системы имперского покровительства единой Грузии, установленной Георгиевским трактатом 1783 г. Александра I пугали неизбежными финансовыми издержками, осложнениями в отношениях с Османской империей и Персией, но, главное, Воронцов и Кочубей писали, что проблема Восточной Грузии

* Corresponding author

E-mail addresses: aturushadze@sfedu.ru (A.T. Urushadze), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), Annick.Valteau@unige.ch (A. Valteau)

отвлекает императора от гораздо более важных задач внутреннего преобразования и без того обширной империи ([Архив Государственного совета, 1878: 1200](#)).

Противники присоединения Восточной Грузии оказались в меньшинстве. Непременный совет большинством голосов высказался за установление в Картли-Кахетии российского суверенитета. В документах совета привлекает внимание такая парадоксальная характеристика: «Простая протекция, какую с 1783 г. давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение, и продолжение оной на тех же основаниях неминуемо ввергнет ее в совершенную погибель» ([Архив Государственного совета, 1878: 1179](#)). Протекторат Российской империи стал для Восточной Грузии не средством укрепления власти династии Багратионов, а, напротив, до крайности расшатал политическое положение царя Ираклия II и его наследников.

2. Материалы и методы

В работе в качестве материалов были привлечены документы архива Государственного совета, а также документы актов, собранных Кавказской археографической комиссией. Представлены также материалы личного происхождения, дневники и мемуары.

Методологическую основу в работе составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, используются методы – аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный. Вероятностно-статистический метод был применен при исследовании рисков как русской, так и грузинской сторон при осуществлении политики сближения.

3. Обсуждение

В историографии существует несколько различных вариантов осмысления парадокса российского протектората над Восточной Грузией. В начале XX в. З.Д. Авалов рассматривал неудачу имперской протекции как следствие регулярного нарушения условий Георгиевского трактата российской стороной. Последовательно опровергая тезис о взаимном нарушении военно-политического соглашения, историк отмечал, что «надо удивляться не тому, что порой являлась у грузин мысль о политической сделке с Персией или Турцией, а тому, как вера в Россию не иссякла окончательно» ([Авалов, 2009: 99](#)). М.Н. Покровский отмечал, что Екатерина II не стремилась к прочному утверждению российского суверенитета в Закавказье, в силу чего и неравный союз с Ираклием II не стал надежной защитой для Восточной Грузии ([Покровский, 1923: 179-180](#)). Недостаточная последовательность России в соблюдении Георгиевского трактата была отмечена как основная причина многочисленных бед, постигших царство Ираклия II, в фундаментальной работе Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева ([Киняпина и др., 1984: 66](#)).

Иначе акценты расставлены в монографии О.Р. Айрапетова, М.А. Волхонского, В.М. Муханова. Работая с большим фактическим материалом, авторы приходят к выводу, что неэффективность протектората была обусловлена военной слабостью Картли-Кахетии, оказавшейся плохим союзником, а также затруднительными для Российской империи политическими обстоятельствами, связанными с обострением русско-турецких отношений ([Айрапетов и др., 2016: 120-175](#)). Именно в сложности международной обстановки увидел причину половинчатости российского протектората и Д.Л. Ватейшвили ([Ватейшвили, 2006: 94-114](#)).

Н.К. Гвоздев подошел к анализу русско-грузинских отношений периода протектората с геополитических позиций. По его мнению, Восточная Грузия использовалась Российской империей как территория для дипломатического торга, выступая в качестве разменной монеты в большой игре за гегемонию в Причерноморье, которой руководил екатерининский фаворит Г.А. Потемкин ([Gvosdev, 2006: 65](#)).

Несколько экзотическую версию причин слабости российского протектората предложил британский литературовед и историк Д. Рейфилд, согласно которому Ираклий II пошел на подписание Георгиевского трактата перед лицом неминуемого российского завоевания Восточной Грузии, а не в расчете на военно-политическую поддержку ([Рейфилд, 2017: 315](#)). Такая интерпретация автоматически снимает проблему парадокса российского протектората.

Разнообразие интерпретаций позволяет говорить об актуальности исследования истории российского протектората над Восточной Грузией, причин его неэффективности и политических последствий, приведших Картли-Кахетию в состав российского государства.

4. Результаты

Спустя месяц после подписания Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.), политический смысл которого заключался в гарантиях российской военной защиты картли-кахетинских пределов, царь Ираклий II устроил в своей столице масштабное празднество. Утром 20 августа 1783 г. в тбилисской церкви Успения Богородицы царь участвовал в торжественной литургии. После завершения церковного обряда Тбилиси и его окрестности огласил пушечный залп, а Ираклий II выехал во дворец в сопровождении кавалькады придворных и ликующей толпы. Весь город был нарядно украшен. Вечером столица Картли-Кахетии засверкала огнями, на улицах горели свечи, играла

музыка. На большом застолье грузинские аристократы произносили здравицы императрице Екатерине II и князю Г.А. Потемкину. По словам очевидца, «все вообще жители, и самые престарелые, беспрестанно при биении в бубны плескали руками, и кажется, что народ день ото дня представляет себе в новых видах свое благоденствие» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 232*). Подписание Георгиевского трактата с единоверной и могущественной Российской империей, безусловно, стало главным эпизодом долгого и богатого на политические события царствования Ираклия II (1744–1798).

Казалось, грузинский монарх преуспел в том, чего безуспешно добивались его венценосные предшественники: кахетинский царь Александр II (1574–1605) и картлийский царь Вахтанг VI (1711–1714, 1716–1724): вступить в военный союз с российским государством. Путь к заключению договора с могущественной Российской империей был долог. Ираклий II пытался добиться российского покровительства еще в 1773 г., но его предложения были вежливо отвергнуты главой Коллегии иностранных дел графом Н.И. Паниным (*Сулаберидзе, 2017: 124*), который последовательно отстаивал идею «Северного аккорда» – союза России, Пруссии и Дании. В этой внешнеполитической доктрине Восточной Грузии не было места.

Раскрытие заговора в пользу цесаревича Павла Петровича осенью 1773 г. привело к большим переменам, в том числе и в российской внешней политике. Н.И. Панин был наставником наследника престола, и неудавшаяся дворцовая интрига сказалась на его положении в системе самодержавной власти. Екатерина II вводит в фавор генерал-майора Г.А. Потемкина, имевшего совершенно иные представления о целях и принципах внешней политики империи. Россия начинает политическое сближение со Священной Римской империей (*Елисеева, 2018: 19*). Обе державы стремились к разделу Османской империи. Поворот российских внешнеполитических устремлений в южном направлении многократно повысил актуальность поиска подходящих условий для альянса с Ираклием II как правителем единоверного грузинского государства.

Интересы двух сторон (России и Восточной Грузии) совпадали, что способствовало быстрым и успешным переговорам, которые предшествовали подписанию Георгиевского трактата. Российской империи был необходим сильный союзник на Кавказе, который мог бы стать точкой сборки геополитического «барьера» на границах с Турцией и Персией (*Айрапетов и др., 2016: 233*). Таким образом Г.А. Потемкин и статс-секретарь А.А. Безбородко планировали создавать непрямую, но постоянную угрозу границам мусульманских держав. Ираклий II рассчитывал, что дипломатический договор с Россией усилит его позиции как регионального политического лидера и позволит продолжить политику объединения грузинских земель.

Российская элита и Ираклий II двигались навстречу обоюдновыгодному союзу, но оставляли возможность для политического маневра. Петербург совершенно не вдохновляли амбиции восточногрузинского правителя, который, в свою очередь, продолжал параллельные контакты со Стамбулом (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 134-135*). Переговоры Ираклия II с турками не остались тайной для российской стороны. «...Имею многие причины сомнения на верность царя Ираклия», – писал 31 января 1783 г. в рапорте вице-президенту Военной коллегии, генерал-аншефу, светлейшему князю Г.А. Потемкину, его троюродный брат, командующий Кавказским корпусом генерал-поручик П.С. Потемкин (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 139*). Отметим, что обе стороны были далеки от безоглядного доверия и наивного благодушия. В Грузии прекрасно помнили, чем закончились поиски союза с Россией для Вахтанга VI, вынужденного эмигрировать после неожиданной перемены планов Петра I, отказавшегося от совместных военных операций с грузинским царем. Г.А. Потемкин, в свою очередь, подозревал Ираклия II в намерении использовать союз с Россией в собственных интересах, а затем при удобном случае отказаться от всяких обязательств.

Тем не менее перспективы, связанные с заключением договора, перевесили взаимное недоверие, и 24 июля 1783 г. он был подписан в Георгиевской крепости. Его текст и значение отдельных артикулов документа подробно анализировались в специальной исторической литературе (*Мачарадзе, 1983; Пайчадзе, 1983*). Для целей настоящей работы необходимо кратко остановиться на нескольких положениях Георгиевского трактата.

Ираклий II отказывался именовать себя вассалом кого-либо, кроме императрицы Екатерины II и ее преемников на российском престоле. Это автоматически означало конфронтацию с Турцией и Персией, которые традиционно рассматривали грузинские царства и княжества в качестве своей сферы влияния. И если Персию раздирали внутренние усобицы, то в Стамбуле готовы были ответить на такой неосторожный шаг царя Картли-Кахетии. Правитель Восточной Грузии лишился возможности ведения самостоятельной внешней политики и теперь обязан был вступать в переговоры с «окрестными владетелями» только с ведома и согласия российских «пограничного начальника» и полномочного министра Екатерины II при грузинском дворе (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 192*). Это условие накладывало серьезные ограничения на действия Ираклия II и впоследствии станет одним из факторов расшатывания российско-грузинского военно-политического сотрудничества.

Взамен этих обязательств, принятых грузинской стороной, российская императрица обещала следующее. Во-первых, сохранить в «целости» владения Ираклия II, а также способствовать

закреплению за ним вновь приобретенных территорий. Во-вторых, Екатерина II должна была признавать неприятелей царя Восточной Грузии за своих неприятелей ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 192-193](#)).

Российские обязательства были конкретизированы в «сепаратных артикулах» трактата. Согласно второму артикулу, в Восточной Грузии должны были находиться и при необходимости сражаться совместно с войсками Ираклия II два батальона российской пехоты с четырьмя орудиями. Третий сепаратный артикул предусматривал дополнительную российскую военную поддержку со стороны Кавказской линии. При этом подчеркивалось, что неприятель, напавший на Картли-Кахетию, «за общаго врага разумеется» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 195](#)). По четвертому сепаратному артикулу Екатерина II обещала Восточной Грузии помощь оружием в военное время.

Условия Георгиевского трактата, безусловно, были выгодны Ираклию II, приобретающему, казалось, надежное политическое покровительство и масштабную военную поддержку великой державы. Именно поэтому известие о заключении договора жители Тбилиси встретили с таким искренним ликованием.

В советской историографии был широко распространен тезис об исторически неизбежной потере независимости грузинских государств в XVIII – начале XIX вв. Известный историк академик АН Грузинской ССР Г.В. Хачапуридзе отмечал: «Потеря независимости и переход под политическую власть России для Грузии явились наименьшим злом по сравнению с угрозой быть поглощенной шахским Ираном или султанской Турцией» ([Хачапуридзе, 1950: 5](#)). Такая интерпретация отчасти остается актуальной и для современной историографии ([Гатагова, 2011: 43-56](#)). Однако нам представляется, что ставшее трюизмом представление о военной слабости государства Ираклия II несколько преувеличено.

Российский представитель при Ираклии II полковник С.Д. Бурнашев оставил обстоятельное описание картли-кахетинского войска ([Бурнашев, 1793: 11-14](#)). Ядром военной организации Восточной Грузии было «моригеджари» («дежурное войско»), численность которого, по сведениям С.Д. Бурнашева, достигала 4 тыс. воинов и набиралось ежегодно. Войско не случайно называлось «дежурным». В него призывали на один месяц, затем отслуживших сменяли другие ополченцы. Такая гибкая организация не отрывала мужское население от хозяйственных работ, экономила скромные ресурсы царской казны и позволяла Ираклию II всегда иметь в распоряжении небольшую, но вполне боеспособную армию. Последний раз «моригеджари» набор осуществлялся в 1791 г., но уже в это время разграбленные лезгинами земли Кахетии практически не смогли дать людей в дежурную армию ([Ter-Oganov, 2018: 55](#)). Кроме «дежурного войска», Картли-Кахетия могла выставить дворянскую конницу численностью 2 тыс. всадников, а также отряды горцев-наемников. Имелась у Ираклия II и собственная артиллерия, состоявшая, по данным С.Д. Бурнашева, из 12 орудий.

Слабым местом картли-кахетинской армии было снабжение. Воины могли рассчитывать только на собственные припасы и на добычу. Ведение продолжительных кампаний было делом совершенно невозможным. Тем не менее при довольно боеспособной армии и искусном ведении дипломатических игр Восточная Грузия Ираклия II не являлась легкой добычей ни для османского султана, ни для персидского шаха.

Подписав Георгиевский трактат, Ираклий II лишился возможности свободно и самостоятельно вести переговоры с горскими владетелями и турецкой администрацией. Очень скоро выяснилось, что, заключив договор с Российской империей, Картли-Кахетия оказалась в дипломатической изоляции, окруженная враждебными соседями.

Сулейман-паша, управлявший Ахалцихской провинцией Османской империи, еще до заключения Георгиевского трактата начал привлекать горцев Дагестана к набегам на Восточную Грузию. Он обещал горцам защиту, покровительство и богатую добычу. Его посулы оказались эффективны, набеги лезгин на грузинские селения с особенной силой начались еще в июне 1783 г. В письме к П.С. Потемкину от 22 июля 1783 г. С.Д. Бурнашев так описывал один из лезгинских набегов: «29 июня впали они сильной (так в тексте – Авт.) партией в Кахетию, разорили четыре деревни, убили и взяли в плен более 100 человек» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 188](#)).

Прибытие обещанных Ираклию II двух батальонов задерживалось. Летом 1783 г. российская сторона пыталась защитить грузинского союзника от горских набегов силой слова. На исходе июля П.С. Потемкин отправил Мухаммед-хану Казикумухскому прокламацию, в которой предостерегал от нападений на Ираклия II, «поелику всякое неприязненное действие противу него или покушение на области его Российскою империею не иначе почтено будет как покушением на собственные пределы, и дерзость таковая не останется без возмездия» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 215](#)). Но такие угрозы были малоэффективны, дагестанские предводители обычно отвечали, что их люди не участвуют в набегах, а контролировать каждого вольного горца невозможно.

Сулейман-паша оказывал на Ираклия II не только военное, но и политическое давление. В одном из писем ахалцихский правитель писал картли-кахетинскому царю, что небольшое число русских войск будет не в состоянии защитить Восточную Грузию, подчеркивая опрометчивость заключения союза с Российской империей ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 226-](#)

227). При этом Сулейман-паша отвергал все обвинения в организации набегов на Картли-Кахетию, которые продолжались и наносили невосполнимый урон хозяйству и военному потенциалу государства Ираклия II.

Неутешительное положение Восточной Грузии заставило Ираклия II просить П.С. Потемкина прислать помимо двух батальонов, ожидаемых с большим нетерпением, еще пять тысяч солдат для похода на Джаро-Белоканские общества, грабившие кахетинских крестьян (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 239*). В случае невозможности прислать дополнительные войска Ираклий II просил оказать финансовую помощь для организации наемного войска. «Если мы сего не сделаем и не истребим их, то они всегда станут нас беспокоить и тревожить», – писал грузинский царь (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 240*). Однако этой помощи Ираклий II не получил.

Белорусский и Горский егерские батальоны прибыли в Тифлис 2 ноября 1783 г. На следующий день союзников встречал Ираклий II, устроивший торжественный обед для российских офицеров.

Грузинский царь разработал масштабный план совместных военных действий. Он рассчитывал, что присланные ему войска – лишь авангард большой российской армии. В мае 1784 г. в письме к С.Д. Бурнашеву он предлагал овладеть Южным Азербайджаном, Гиляном и Мазандераном, принадлежавшими Персии, а также захватить Дербент и Баку. Для этого Ираклий II просил прислать 10-тысячный российский корпус, с которым ему удалось бы покорить Гянджу и Джар. Царь уверял эмиссара императрицы, что в случае победы над его старыми противниками на сторону российско-грузинского войска перейдут многие кавказские владетели и их подвластные, что избавит империю от необходимости пополнять свой военный контингент (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 313*). Ираклий II, очевидно, понимал, что два батальона не смогут надежно защитить Восточную Грузию, которая после заключения Георгиевского трактата оказалась во враждебном кольце. Поэтому царь рассчитывал на наступательную тактику и полагался на сепаратные артикулы договора с Россией, по которым Екатерина II признавала врагов Ираклия II за собственных неприятелей и обещала расширение военной и финансовой помощи в случае войны.

Введение в Грузию многочисленного российского корпуса означало для России почти неизбежный разрыв с Турцией, которого в Петербурге не желали. В самом начале 1784 г. султан Абдул-Хамид I передал российскому посланнику Я.И. Булгакову письменное согласие признать российский суверенитет над Крымом. Россия приобрела полуостров без вступления в войну, и вновь провоцировать Стамбул полномасштабным вводом войск в Закавказье было рискованно. Кроме того, крайне негативно известие о присоединении Крыма встретили при европейских дворах. Угроза начала войны была серьезной. «Теперь ожидаю с часу на час объявления войны по интригам французов и пруссаков» (*Елисеева, 2018: 196*), – писала 26 сентября 1784 г. Екатерина II Г.А. Потемкину. «Грузинские дела» неизбежно оказались на периферии внимания Петербурга, занятого еще и внутренними интригами. В это время вновь подняла голову прусская партия Павла Петровича, стремившаяся к низложению екатерининского фаворита и соправителя.

Командиры егерских батальонов, прибывших в Грузию, пытались противостоять набегам горцев. В апреле 1784 г. подполковник А.П. Квашнин-Самарин, который командовал Белорусским егерским батальоном, разбил у селения Сагареджо крупную партию лезгин, отбив захваченных в плен грузинских крестьян и скот. По случаю этой победы Ираклий II устроил в Тифлисе пушечную канонаду, а жители грузинской столицы праздновали до глубокой ночи (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 311*).

Подобные победы случались и в дальнейшем. Так, 18 апреля 1785 г. под Сурамской крепостью поражение турецко-лезгинскому отряду нанесли егеря Горского батальона под командой секунд-майора Ф. Сенненберга. В этом бою российским егерям и грузинскому ополчению удалось захватить несколько пленных, которые на допросе показали, что отправились грабить Картли-Кахетию по призыву Сулейман-паши. Ахалцихский паша, по словам пленников, приглашал горцев Дагестана служить ему за щедрое жалованье, но обещания не сдержал. После этого он усилил отряд горцев, насчитывающий около тысячи человек, пятью сотнями турецких воинов и отправил в поход на Восточную Грузию (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 402*). На письма П.С. Потемкина с требованиями прекратить набеги на Картли-Кахетию Сулейман-паша по традиции отвечал, что нисколько не способствует военным предприятиям горцев, но вместе с тем не может им и препятствовать, «ибо они нам единовольцы, по сему драться нам с ними нельзя» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 391*).

Выступить против Сулеймана-паши российские егеря не могли, но и надежно прикрыть границы Картли-Кахетии им не удавалось. Еще летом 1784 г. С.Д. Бурнашев едва ли ни в отчаянии писал П.С. Потемкину, что «дороги все заражены в Грузии лезгинами» (*Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 350*). Не мог действовать и Ираклий II. По условиям георгиевского договора он не имел права ни вступать в самостоятельные переговоры, ни, тем более, открывать военных действий без ведома и согласия российской стороны, которая, как уже было отмечено, стремилась к сохранению мира с султаном. В письме к П.С. Потемкину от 26 марта 1785 г. Ираклий II отмечал, что мог бы «учинить ему (Сулейман-паше – Авт.) возмездие, но вам небезызвестно, что меня от того удерживает». Правитель Картли-Кахетии с горечью признавал, что российский протекторат

«скрытых нам соседей обратил в явные злодеи, а приятелей наших совершенно поколебал». Георгиевский трактат стал для грузинского царя политической ловушкой ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 394](#)).

Среди грузинской знати уже к лету 1785 г. сформировалась многочисленная группа недовольных политикой Ираклия II. Появление сильной аристократической фронды выделял в качестве причины фактического распада российско-грузинского военного союза классик турецкой историографии А.Н. Курат ([Курат, 2016: 56](#)). Некоторые грузинские князья переходили на службу к Сулейман-паше, как это сделали Э. Эривани и З. Абашидзе ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 433](#)).

Число противников Ираклия II постоянно увеличивалось, в то время как число российских войск оставалось прежним. В августе 1785 г. в поход на Восточную Грузию под предлогом защиты купцов, якобы ограбленных в Тбилиси ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 457](#)), отправился Умма-хан IV Аварский. Ираклий II отправлял российским сановникам письма с просьбами оказать немедленную помощь. Основным адресатом отчаянных посланий картли-кахетинского царя был П.С. Потемкин, командовавший Кавказским корпусом, который пересылал тревожные вести из Грузии Г.А. Потемкину, обращая внимание светлейшего князя на то, «...что Грузия подвержена опасности. Я, не имея повеления Вашей светлости, не могу дать помощи, царем требуемой» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 440](#)). Всесильный фаворит императрицы оказывать помощь союзнику не спешил, опасаясь масштабных внешнеполитических осложнений. Трижды Ираклий II писал генерал-поручику М.Н. Леонтьеву, замещавшему П.С. Потемкина с декабря 1784 г. до конца сентября 1785 г. ([Дегоев, 2013: 41](#)), с той же просьбой: прислать войска. И столь же безуспешно.

Еще в июле 1785 г. в Чечне был разбит отряд полковника Н.Ю. Пьери, на Северном Кавказе началось восстание Шейха-Мансура. В этих условиях снимать войска с Кавказской линии стало невозможно. П.С. Потемкин отговаривался перед Ираклием II испорченной дорогой, не желая признавать недостаток военных сил ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 447](#)).

Совместно со своим посланником при дворе Екатерины II Г.Р. Чавчавадзе царь Картли-Кахетии продумывал и другие дипломатические ходы, которые могли бы спасти Восточную Грузию от лезгинского разорения. Обсуждалась возможность передачи во владение Г.А. Потемкина части Картли-Кахетии. Светлейшему князю планировали «поднести» крепость Ананури и ее окрестности. Эта идея появилась не случайно. Среди иностранных дипломатов в Петербурге ходили слухи о желании Г.А. Потемкина получить отдельное, независимое владение и стать самостоятельным правителем ([Елисеева, 2018: 126](#)). По мысли Г.Р. Чавчавадзе передача Ананури во владение светлейшего князя подчеркнула бы стратегический характер российского протектората, а главное, заставила бы Екатерину II решительнее защищать своего союзника. Эти же цели преследовала и другая затея. Речь идет о браке светлейшего князя и дочери царя Ираклия II Анастасии, тайное обсуждение которого, вероятно, спровоцировал сам Г.А. Потемкин ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 472](#)). Тем самым всесильный вельможа пытался отвлечь грузин от составления докучливых просьб о предоставлении военной помощи. Все эти попытки упрочить российский протекторат результата не дали.

На фоне недостатка российской военной поддержки и непрекращающихся набегов горцев усиливалось политическое давление Турции на Ираклия II. В июле 1786 г. правитель Эрзурума Баттал Хусейн-паша призывал царя Картли-Кахетии отказаться от российского покровительства и вернуться под высокую руку османского султана ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 485](#)). В противном случае Эрзурумский паша угрожал начать военные действия против Восточной Грузии. Турецкие администраторы обещали «унять дагестанцев», если Ираклий II откажется от российского протектората и батальоны Екатерины II будут выведены из Грузии ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 487](#)).

Ираклий II вступил в переговоры с османами, но проводил их при подробном информировании российской стороны. Послания от Сулейман-паши и Баттал Хусейн-паши картли-кахетинский царь передавал С.Д. Бурнашеву, а далее они доходили до П.С. Потемкина, в письме к которому от 31 июля 1786 г. Ираклий II подчеркивал: «...Все мое помышление в том единственно состоит, дабы непоколебимо быть в сохранении высочайших благоволений, державнейшей рукой подписанных, кои гремят в пунктах трактата» ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 492](#)). Екатерина II разрешила царю Картли-Кахетии вести переговоры с Сулейман-пашой. Переговоры начались в конце 1786 г. По предварительным условиям планируемого договора численность российских войск в Восточной Грузии не должна была превышать трех тысяч. В свою очередь Сулейман-паша обязывался не пропускать дагестанских горцев в Ахалцихе и запретить им торговлю грузинскими пленниками ([Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 501](#)). В донесении Г.А. Потемкина Екатерине II от 10 декабря 1786 г. начало переговоров Ираклия II с турками описано кратко. Светлейший князь лишь указал на то, что царь, согласившись на ограничение числа российских войск, отошел от четкого следования инструкциям, но «как сие уважения не заслуживает, то и можно извинить его неосторожность, от торопливости произошедшую» ([Из истории российско-грузинских](#)

отношений, 2014: 501). Увеличивать российское военное присутствие в Восточной Грузии российские сопративители не планировали.

Ираклий II пытался как можно скорее заключить договор с ахалцихским пашой, опасаясь новых набегов дагестанских и азербайджанских владетелей, которые получали от Сулейман-паши дорогие подарки. Царь Картли-Кахетии согласился с требованием выдачи аманатов в качестве гарантии соблюдения условий договора. Такая «самостоятельность» Ираклия II вызвала негативную реакцию П.С. Потемкина, который обвинил царя в нарушении четвертого артикула Георгиевского трактата (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 509). В начале 1787 г. отношения между Ираклием II и российским военным командованием становятся напряженными. Переписка двух сторон в это время изобилует взаимными претензиями и требованиями.

Критическое положение Картли-Кахетии и явная недостаточность российской военной помощи позволяли Сулейман-паше выдвигать все новые условия заключения мира. Весной 1787 г. он уже требовал полного вывода российских войск, разрыва отношений Картли-Кахетии с Российской империей и уничтожения ананурской дороги, связывающей Восточную Грузию с империей Романовых (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 536). В ответном послании Ираклий II назвал требования Сулейман-паши невозможными. Царь Картли-Кахетии продолжал надеяться на российскую военную и финансовую помощь (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 554).

13 августа 1787 г. Османская империя объявила войну России. Екатерина II и Г.А. Потемкин решили вывести российские войска из Восточной Грузии. Очевидно, что с началом войны требовалось либо значительно увеличить российские военные силы в Грузии, либо полностью их вывести. В Петербурге выбрали менее рискованный второй вариант. Это решение объясняется тем, что российское командование понимало всю сложность организации надежного сообщения с Закавказьем. переброска дополнительных отрядов влекла за собой необходимость их регулярного снабжения и пополнения. Поэтому просьбы Ираклия II оставить российские батальоны хотя бы до весны 1788 г. услышаны не были. Уже 9 октября 1787 г. Белорусский и Горский егерские батальоны прибыли во Владикавказ, где «застряли» пушки, которые Г.А. Потемкин отправил Ираклию II еще год назад (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 569). Картли-Кахетия осталась наедине со своими противниками.

Ираклий II вернулся к хорошо знакомой ему политике балансирования между Турцией и Персией. Но теперь Картли-Кахетия значительно ослабла: тысячи жителей были убиты или уведены в плен, десятки селений оказались разорены. Социально-экономический кризис сказывался на военных силах картли-кахетинского государства. Пустая царская казна не позволяла привлечь на службу наемников, а собственных войск не хватало.

Положение Восточной Грузии немного улучшилось после завершения Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и заключения Ясского мира. Согласно пятой статье мирного трактата, «блестательная Порта обещает подтвердить вновь издаваемым фирманом данный прежде, чтоб ахалцихский губернатор, пограничные начальники и прочие отныне впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей владеемых царем Карталинским, о чем и отправить к помянутому ахалцихскому губернатору, к пограничным начальникам и к прочим со строжайшим прещением и подтверждением указы» (Юзефович, 2005: 65). Ахалцихский паша действительно перестал быть главным неприятелем Картли-Кахетии, но вскоре над государством Ираклия II нависла несравненно более серьезная угроза.

После смерти Керим-хана в 1779 г. Персидское государство погрузилось в пучину затяжной междоусобицы, в которой активное участие принимала и Россия. Креатурой Екатерины II был Муртазу-Кули-хан, который укрепился в прикаспийских провинциях, столь важных для российской международной торговли. Однако его брат Ага-Мухаммад-хан оказался более удачливым полководцем и талантливым государственным деятелем. Он дважды разбил войска Муртазу-Кули-хана, который неизменно находил пристанище в России, где и умер в 1798 г. (История России, 2002: 64-65) Вполне понятная неприязнь Ага-Мухаммад-хана к Российской империи активно распространялась и на ее союзников.

Враждебные намерения персидского правителя в отношении Картли-Кахетии были хорошо известны. Еще осенью 1791 г. Ираклий II писал Г.А. Потемкину, что «Ага Мамат-хан приблизился с многочисленными персидскими силами своими к карталинским границам и покушается учинить нападение на Карталинию» (Из истории российско-грузинских отношений, 2014: 576). Царь Картли-Кахетии снова просил российской помощи «войсками или казною». Грузинские просьбы были повторены и в августе 1795 г. за месяц до персидского вторжения, но российские войска остались на прежних позициях. Вместо этого представители Ага-Мухаммад-хана в Кизляре – Аджид-Митраг и Ага Мурза-Махти – были предупреждены о нежелательности нападения на Восточную Грузию, находящуюся под российским покровительством (Боцвадзе, 1974: 86). Слова не убедили Ага-Мухаммад-хана.

Войска Ираклия II и Ага-Мухаммад-хана сошлись 10–11 сентября 1795 г. на Крцанисской равнине. Персы обладали большим численным перевесом: против менее чем пятидесяти тысяч грузинского отряда сражалась семидесятитысячная армия, что и определило исход двухдневной битвы (Взятие Тифлиса, 1895: 7-10). Захваченный Тбилиси Ага-Мухаммад-хан подверг тотальному

разорению: были уничтожены жилые кварталы, разрушены оружейные мастерские и артиллерийские склады (Взятие Тифлиса, 1895: 13). Так тбилисскую катастрофу описал автор «Карабаг наме» Мирза Адигезаль-бек: «Они (войска Ага-Мухаммед-шаха) ограбили и растащили все, что имелось ценного в церквах и в дворах. Они пробыли в городе семь дней и за (это) время предали огню насилия и разрушили высокие дворцы, снесли башни и стены города» (Мирза Адигезаль-бек, 1951: 81). После ухода персов Ираклий II распорядился о восстановлении столицы, но собственную резиденцию перенес в Телави.

Разорение, которому подверглась Восточная Грузия в ходе персидского нашествия 1795 г., стало определяющим фактором в дальнейшей судьбе государства Ираклия II. Способность Картли-Кахетии сопротивляться многочисленным угрозам, исходившим от Турции и Персии, а также от горцев Дагестана и азербайджанских владетелей, была подорвана. Наследник Ираклия II Георгий XII, не обладавший ни энергией, ни способностями отца, решил добиваться российского подданства как единственного способа спасти то, что еще оставалось от Картли-Кахетии.

5. Заключение

Российский протекторат над Восточной Грузией, условия которого были сформулированы в Георгиевском трактате 1783 г., стал главной причиной потери независимости Картли-Кахетинского государства. Его подготовка и подписание разрушили хрупкий военно-дипломатический баланс в Закавказье, который позволял Ираклию II не только сохранять пределы Восточной Грузии в относительной безопасности, но и расширять их при благоприятной конъюнктуре. В новых условиях картли-кахетинский царь лишился свободы политического маневра и был вынужден следовать в фарватере российской внешней политики. Этим он одновременно приобрел множество противников: правителей пограничных турецких провинций, горцев Дагестана, азербайджанских владетелей, а позднее и персидского шаха. При этом прямая военная помощь Российской империи была незначительной. Два егерских батальона, находившихся в Восточной Грузии в 1783–1787 гг., не смогли (да и не могли) обеспечить Картли-Кахетию надежную оборону. Многочисленные просьбы Ираклия II об увеличении российского контингента и финансовой помощи не находили отклика в Петербурге. Российская империя пыталась заменить солдат и пушки, которые ей были очень нужны на Северном Кавказе, на дипломатические угрозы и предупреждения противникам Ираклия II, но такое бумажное прикрытие оказалось бессильным.

Литература

- Авалов, 2009 – Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: «Звезда», 2009. 264 с.
- Айрапетов и др., 2016 – Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан: Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 512 с.
- АКАК, 1 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского 1866. 827 с.
- Архив Государственного совета, 1878 – Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. 1280 с.
- Боцвадзе, 1974 – Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI – XVIII веков. Тбилиси: «Мецниереба», 1974. 108 с.
- Бурнашев, 1793 – Бурнашев С.Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния Царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при Его Высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786: с указного дозволения. Курск: Тип. Курск. приказа обществ. призрения, 1793. 38 с.
- Ватейшвили, 2006 – Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: очерки истории взаимоотношений. XIII–XIX вв. Т. 3. Грузия и Россия, XVIII–XIX вв. Кн. 1. М.: ИРИ РАН, 2006. 510 с.
- Взятие Тифлиса, 1895 – Взятие Тифлиса Ага-Магомед-ханом в 1795 году. Из записок царевича Теймураза. Тифлис: Изд. К.Н. Бегичева, 1895. 26 с.
- Гатагова, 2011 – Гатагова Л.С. Проблема присоединения Грузии к России в зеркале политики и истории // Россия–Грузия: альтернатива конфронтации – созидание (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Институт российской истории РАН, 2011. С. 43–56.
- Мачарадзе, 1983 – Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии / Сост. В. Мачарадзе. Тбилиси: Хеловнеба, 1983. 190 с.
- Дегоев, 2013 – Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. 256 с.
- Елисева, 2018 – Елисева О.И. Граница России – Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М.: «Эксмо», 2018. 384 с.

[Из истории российско-грузинских отношений, 2014](#) – Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. 768 с.

[История России, 2002](#) – История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Издательство «Лексикон», 2002. 736 с.

[Киняпина и др., 1984](#) – *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.

[Курат, 2016](#) – *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Кн. 4. Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII в. до войны за независимость Турции (1798–1919) / Отв. ред. Л.И. Шахин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 852 с.

[Мирза Адигезаль-бек, 1950](#) – *Мирза Адигезаль-бек.* Карабаг Наме. Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1950. 250 с.

[Пайчадзе, 1983](#) – *Пайчадзе Г.Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 247 с.

[Покровский, 1923](#) – *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: «Красная новь», 1923. 468 с.

[Рейфилд, 2017](#) – *Рейфилд Д.* Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.

[Сулаберидзе, 2017](#) – *Сулаберидзе З.* Феодалные отношения в Западной Грузии во второй половине XVIII в. (Имеретинское царство и Абхазское княжество) // *Новое прошлое.* 2017. № 2. С. 121-130.

[Хачапуридзе, 1950](#) – *Хачапуридзе Г.В.* К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси: «Заря Востока», 1950. 568 с.

[Юзефович, 2005](#) – *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М.: ГПИБ, 2005. 292 с.

[Gvosdev, 2000](#) – *Gvosdev N.* Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819. NewYork: Palgrave, 2000. 200 p.

[Ter-Oganov, 2018](#) – *Ter-Oganov N.* Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.) // *Bylye Gody.* 2018. 47(1). pp. 53-59.

References

[Avalov, 2009](#) – *Avalov Z.D.* (2009). Prisoedinenie Gruzii k Rossii [Georgia's accession to Russia]. SPb.: «Zvezda». 264 p. [in Russian]

[Ajrapetov i dr., 2016](#) – *Ajrapetov O.R., Volhonskij M.A., Muhanov V.M.* (2016). Doroga na Gyulistan: Iz istorii rossijskoj politiki na Kavkaze v XVIII–pervoj chetverti XIX v. [The road to Gulistan: from the history of Russian politics in the Caucasus in the XVIII-first quarter of the XIX century.] М.: Kuchkovo pole. 512 p. [in Russian]

[АКАК, 1](#) – Акты, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. V 12 t. T. I. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo 1866. 827 p. [in Russian]

[Архив Gosudarstvennogo soveta, 1878](#) – Архив Gosudarstvennogo soveta [Archive of the State Council]. V 15 t. T. III. CH. 2. SPb.: [B.i.], 1878. 1280 p. [in Russian]

[Bocvadze, 1974](#) – *Bocvadze T.D.* (1974). Narody Severnogo Kavkaza v gruzinsko-russkikh politicheskikh vzaimootnosheniyah XVI–XVIII vekov [Peoples of the North Caucasus in Georgian-Russian political relations of XVI–XVIII centuries]. Tbilisi: «Mecniereba». 108 p. [in Russian]

[Burnashev, 1793](#) – *Burnashev S.D.* (1793). Kartina Gruzii, ili Opisanie politicheskogo sostoyaniya Carstv Kartalinskogo i Kahetinskogo, sdellanoe prebyvayushchim pri Ego Vysochestve care Kartalinskom i Kahetinskom Iraklii Temurazoviche polkovnikom i kavalerom Burnashevym v Tiflise v 1786: s ukaznogo dozvoleniya [Picture of Georgia, or a Description of the political state of the kingdoms of Kartli and Kakheti]. Kursk: Tip. Kursk. prikaza obshchestv. prizreniya. 38 p. [in Russian]

[Vatejshvili, 2006](#) – *Vatejshvili D.L.* (2006). Gruzija i evropejskie strany: ocherki istorii vzaimootnoshenij [Georgia and European countries]. XIII–XIX vv. T. 3. Gruzija i Rossiya, XVIII–XIX vv. Kn. 1. М.: IRI RAN. 510 p. [in Russian]

[Vzyatie Tiflisa, 1895](#) – *Vzyatie Tiflisa Aga-Magomed-hanom v 1795 godu. Iz zapisok carevicha Tejmuraza* [The capture of Tiflis, Agha Mohammed Khan in 1795. From the notes of Prince Teimuraz]. Tiflis: Izd. K. N. Begicheva, 1895. 26 p. [in Russian]

[Gatagova, 2011](#) – *Gatagova L.S.* (2011). Problema prisoedineniya Gruzii k Rossii v zerkale politiki i istorii [The problem of Georgia's accession to Russia in the mirror of politics and history] / Rossiya–Gruzija: al'ternativa konfrontacii – sozidanie (Problemy rossijsko-gruzinskih otnoshenij. XIX–XXI vv.) / Sost. N.F. Bugaj. М.: Institut rossijskoj istorii RAN. pp. 43–56. [in Russian]

[Macharadze, 1983](#) – *Georgievskij traktat. Issledovanie. Dokumenty. Fotokopii* [George's treatise. Research. Documentation. Photocopies] / Sost. V. Macharadze. Tbilisi: Helovneba, 1983. 190 p. [in Russian]

- [Degoev, 2013](#) – *Degoev V.* (2013). *Nepostizhimaya Chechnya: Shejh-Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time]. M.: Izdatel' Modest Kolerov. 256 p. [in Russian]
- [Eliseeva, 2018](#) – *Eliseeva O.I.* (2018). *Granica Rossii – Chernoe more. Geopoliticheskie proekty Grigoriya Potemkina* [Russia's border is the Black sea. Geopolitical projects of Grigory Potemkin]. M.: «Eksmo». 384 p. [in Russian]
- [Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij, 2014](#) – *Iz istorii rossijsko-gruzinskih otnoshenij: K 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov* [From the history of Russian-Georgian relations: to the 230th anniversary of the conclusion of the George treatise] / *Otv. red. A.N. Artizov.* M.: Drevlekhranilishche, 2014. 768 p. [in Russian]
- [Istoriya Rossii, 2002](#) – *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [Russian history: Russia and East] / *Sost. Yu.A. Sandulov.* SPb.: Izdatel'stvo «Leksikon», 2002. 736 p. [in Russian]
- [Kinyapina i dr., 1984](#) – *Kinyapina N.S., Bliev M.M., Degoev V.V.* (1984). *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii* [The Caucasus and Central Asia in Russia's foreign policy]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 328 p. [in Russian]
- [Kurat, 2016](#) – *Kurat A.N.* (2016). *Sobranie sochinenij. Kn. 4. Turciya i Rossiya: turecko-rossijskie otnosheniya s konca XVIII v. do vojny za nezavisimost' Turcii (1798–1919)* [Turkey and Russia: Turkish-Russian relations from the end of the XVIII century until the war of independence of Turkey (1798-1919)] / *Otv. red. L.I. Shahin.* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 852 p. [in Russian]
- [Mirza Adigezal'-bek, 1950](#) – *Mirza Adigezal'-bek.* (1950). *Karabag Name* [Karabag Name]. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR. 250 p. [in Russian]
- [Pajchadze, 1983](#) – *Pajchadze G.G.* (1983). *Georgievskij traktat* [The Treaty of Georgievsk]. Tbilisi: Mecniereba. 247 p. [in Russian]
- [Pokrovskij, 1923](#) – *Pokrovskij M.N.* (1923). *Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii* [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the XIX century]. M.: «Krasnaya nov'». 468 p. [in Russian]
- [Rejfeld, 2017](#) – *Rejfeld D.* (2017). *Gruziya. Perekrestok imperij. Istoriya dlinoj v tri tysyachi let* [Georgia. Crossroads of empires. The story is three thousand years long]. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus. 608 p. [in Russian]
- [Sulaberidze, 2017](#) – *Sulaberidze Z.* (2017). *Feodal'nye otnoshenij v Zapadnoj Gruzii vo vtoroj polovine XVIII v. (Imeretinskoj carstvo i Abhazskoe knyazhestvo)* [Feudal relations in Western Georgia in the second half of the XVIII century.]. *The New Past.* № 2. pp. 121–130. [in Russian]
- [Hachapuridze, 1950](#) – *Hachapuridze G.V.* (1950). *K istorii Gruzii pervoj poloviny XIX veka* [To the history of Georgia in the first half of the XIX century]. Tbilisi: «Zarya Vostoka». 568 p. [in Russian]
- [Yuzefovich, 2005](#) – *Yuzefovich T.* (2005). *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovyje* [Russia's treaties with the East. Political and trade.]. M.: GPIB. 292 p. [in Russian]
- [Gvosdev, 2000](#) – *Gvosdev N.* (2000). *Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819.* New York: Palgrave. 200 p.
- [Ter-Oganov, 2018](#) – *Ter-Oganov N.* (2018). *Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.).* *Bylye Gody.* 47(1). pp. 53-59.

Восточная Грузия и протекторат Российской империи (1783–1801 гг.): условия, особенности и последствия политического взаимодействия

Амиран Урушадзе ^{a, *}, Александр Черкасов ^{b, c}, Анник Валлоу ^d

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена ключевому периоду в развитии российско-грузинских политических отношений: от заключения Георгиевского трактата (24 июля 1783 г.) до Манифеста о присоединении Грузии (12 сентября 1801 г.). Царь Картли-Кахетии (Восточной Грузии) Ираклий II отказался от тяжелой политической опеки Персидского государства в пользу сближения с Российской империей. Целью этого политического маневра было стремление обезопасить страну от разорительных внешних вторжений. Империя Романовых приобретала надежного и полностью зависимого союзника, что расширяло внешнеполитические возможности в противоборстве с мусульманскими державами (Персией и Турцией) за влияние на Кавказе.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aturushadze@sfedu.ru (А. Урушадзе), sochio03@rambler.ru (А. Черкасов), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)

Основные вопросы статьи: каким образом российский политический протекторат создал условия для присоединения Восточной Грузии? Насколько инкорпорация государства Ираклия II и его наследников была неизбежна? Кто и как в российской элите принимал решение о ликвидации династии Багратионов как политического центра?

Эмпирическую основу исследования составляет значительный комплекс опубликованных исторических документов, дополненный свидетельствами из архивных фондов.

Ключевые слова: Восточная Грузия, Российская империя, Георгиевский трактат, Ираклий II, Екатерина II, Г.А. Потемкин.